

Л.Д. Громова

Автокомментарий Толстого

Заканчивая работу, Толстой напечатал в журнале «Русский архив» статью «Несколько слов по поводу книги “Война и мир”» — объяснение с читателями и возможными критиками. Этот автокомментарий во всех его пунктах имеет принципиальное значение.

Прежде всего — о жанре сочинения.

«Что такое “Война и мир”? Это не роман, еще менее поэма, еще менее историческая хроника. “Война и мир” есть то, что хотел и мог выразить автор в той форме, в которой оно выразилось... История русской литературы со времени Пушкина не только представляет много примеров такого отступления от европейской формы, но не дает даже ни одного примера противного. Начиная от “Мертвых душ” Гоголя и до “Мертвого дома” Достоевского, в новом периоде русской литературы нет ни одного художественного прозаического произведения, немного выходящего из посредственности, которое бы вполне укладывалось в форму романа, поэмы или повести».

Второе — о характере времени («ужасы крепостного права»); привычные представления о нем автор статьи не находит верными. «В те времена так же любили, завидовали, искали истины, добродетели, увлекались страстями; та же была сложная умственно-нравственная жизнь, даже иногда более утонченная, чем теперь в высшем сословии. Ежели в понятии нашем составилось мнение о характере своевольтства и грубой силы того времени, то только оттого, что в преданиях, записках, повестях и романах до нас наиболее доходили выступающие случаи насилия и буйства».

Третье — употребление французского языка в русском сочинении. Толстой настаивал на своей правоте, хотя и допускал невольное увлечение «формой выражения французского склада мысли».

Четвертое — фамилии действующих лиц, напоминающие известные русские фамилии. Здесь Толстым руководил закон стилия, и он для своих вымышленных лиц изменял одну-две буквы: Болконский — Волконский, Друбецкой — Трубецкой и др. «М.Д. Ахросимова и Денисов — вот исключительно лица, которым невольно и необдуманно я дал имена, близко подходящие к двум особенно характерным и милым действительным лицам тогдашнего общества».

Пятое — разногласие с историками. «Оно не случайное, а неизбежное. Историк и художник, описывая историческую эпоху, имеют два совершенно различные предмета... Для историка, в смысле содействия, оказанного лицом какой-нибудь одной цели, есть герои; для художника, в смысле ответственности этого лица всем сторонам жизни, не может и не должно быть героев, а должны быть люди».

Шестое — для Толстого «самое важное»: малое значение, которое «имеют так называемые великие люди в исторических событиях». Здесь Толстой развивал свои философские мысли — о свободе и необходимости в истории и частной жизни. «Рассматривая историю с общей точки зрения, мы несомненно убеждены в предвечном законе, по которому совершаются события. Глядя с точки зрения личной, мы убеждены в противном». «Так называемая власть над людьми... есть только наибольшая зависимость от них». Книга Толстого — о предопределенности в истории, но и о свободе личной, ограниченной лишь с одной стороны — нравственного идеала. Известно, что в 1873 году, включая «Войну и мир» в собрание сочинений, Толстой разделил ее на четыре тома вместо шести первой публикации (так осталось во всех прижизненных изданиях), но одновременно устранил французский, заменив своими русскими переводами, а историко-философские отступления частично удалил, частично собрал в конце под названием «Статьи о кампании 1812 года» (эта перемена то принималась, то отвергалась в переизданиях).

Очевидно, что эта перемена нанесла ущерб гениальному созданию. Французский язык нужен в тексте как отличительный признак времени и среды и как способ характеристики персонажей (это показано в глубокой и обстоятельной работе В.В.Виноградова «О языке Толстого (50—60-е годы)»). Что касается отступлений, они необходимы в книге, которая является не только художественной, но и философской и по праву именуется эпопеей.